

*О.В. Келасьев,
С.В. Казаков,
А.Ю. Лейес*

**СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И
НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МАССОВОГО
ПУБЛИЧНОГО ПРОТЕСТА**

В статье рассматриваются теоретико-методологические основания анализа коммуникативных практик взаимодействия власти и населения в условиях социально-политического протеста. Приводится схема возможных уровней взаимодействия власти и населения. Показывается, что существующие практики такого взаимодействия ограничиваются уровнями манипулирования, убеждения населения и одностороннего информирования, что и создает базу для протестных движений.

С позиции развиваемых представлений рассматриваются два митинга, прошедших в Санкт-Петербурге: один — против проводимых социальных реформ (протестный), другой — в их поддержку. Приводится классификация техник, приемов и форм выражения политического протеста. Высказываются также определенные соображения о предупреждении деструктивных форм политического протеста и налаживании полноценного диалога власти и населения в современной России.

Современный политический процесс в России насыщен различными противоречиями. Несмотря на масштабность изменений в политической системе и экономических отношениях, Россия до сих пор характеризуется многими аналитиками в России и за рубежом как страна и общество «переходного типа». Не в последнюю очередь это связано с «недооформленностью» ее политической системы и, как следствие, с периодически возникающей актуализацией проблемы (реальной или мнимой) выбора между демократией и авторитаризмом (Современный... 2004:70). Учитывая такую нестабильность российского общества, его переходное состояние, можно говорить большой вероятности новых социально-экономических и политических потрясений.

Российская ситуация характеризуется выраженной социальной неоднородностью, слишком большой дифференциацией различных слоев насе-

ним, что уже само по себе говорит о высокой социальной напряженности, накоплении протестного потенциала в обществе. Протест предстает как форма *политического участия*. Политическому участию противостоит такая форма поведения, как *политическая иммобильность* (от лат. *immobilis* — неподвижный) — пассивность, полная отстраненность от политической жизни (Заболотная, Криницкий).

Политический протест может проявляться как в *активной*, так и в *пассивной* форме. Пассивный протест чаще всего выражается в состоянии политической апатии, проявляющейся в отказе участвовать в выборах властей различных уровней. Такая форма пассивного политического протеста в политической литературе получила название абсентеизма*.

Наличие как внутренней, так и внешней мотивации субъекта к политическому участию задает основание для еще одной базовой классификации последнего — подразделения на *автономный* и *мобилизационный* типы. Автономное политическое участие рассматривается как результат рационального и относительно свободного (индивидуального) выбора. Это добровольная деятельность индивидов, артикулирующих личные и групповые интересы перед лицом власти. Мобилизационный же тип поведения определяется давлением внешних обстоятельств (например, административным нажимом) и в значительной степени имеет принудительный характер. Как правило, мобилизационное участие направлено на поддержку политической системы, и его целью является демонстрация преданности правящей элите всенародного единства и одобрения проводимой политики (Политология). Современные политические системы, в том числе и демократические, предполагают *сочетание* мобилизационных и автономных форм участия. «Это означает, что, наряду с рациональными мотивами участия в политике, сформировавшимися на основе осознания собственных интересов, политическая активность индивидов может быть ответом на мобилизационные призывы партий, демагогическую риторику политических лидеров» (Там же).

По критерию легальности принято выделять *конвенциональные* и *не-конвенциональные* формы политического участия. Конвенциональное участие — поведение, использующее законные либо отвечающие общепринятым нормам формы выражения интересов и влияния на власть. Основной формой конвенционального поведения является участие в выборах, которое «позволяет ограничить проявления опасных для политической системы форм массовой активности, направив ее в институциональное (регулируемое нормами) русло, когда недовольные политикой правительства люди выражают свой протест, голосуя за перемены. А другая часть граждан посредством

* Абсентеизм — одна из форм сознательного бойкотирования избирателями выборов, отказ от участия в них; пассивный протест населения против существующей формы правления, политического режима, проявление безразличия к осуществлению человеком своих прав и обязанностей. В широком плане под абсентеизмом можно понимать факт равнодушного отношения населения к политической жизни, обывательское представление отдельных людей о том, что от них в политике ничего не зависит, политика «не мое дело» и т. п. (см.: Язык политики).

выборов демонстрирует поддержку правительственному курсу...» (Заболотная, Криницкий).

Неконвенциональное участие — незаконное либо противоречащее общепринятым политическим нормам поведение. Оно проявляется в формах протеста, в неповиновении государственной власти. «К подобным акциям граждане прибегают в тех случаях, когда отсутствуют институциональные каналы выражения их интересов или традиционные формы участия оказываются неэффективными, а сами люди испытывают недоверие к политической системе» (Там же).

По свидетельству социологов, нынешние протестные настроения — как открытое проявление кризиса в коммуникации власти и народа — связаны с неверием в успех объявленной реформы (в частности, по либерализации жилищно-коммунального хозяйства), с убеждением в ее бессмысленности. «Неясность и недоверие к действиям власти является причиной негативных ожиданий и протестных настроений» (Мацкевич, Силаев 2005).

Рассмотрим теперь непосредственно властно-гражданские отношения, в которых и проявляется суть отмеченных — принципиальных в контексте проводимого анализа — теоретико-методологических оснований.

Чтобы разобраться в возможных аспектах взаимодействия власти и населения, необходимо обратиться к некоторой идеализированной схеме, в рамках которой были бы представлены все теоретически возможные уровни их взаимодействия. Построение такой схемы было начато нами в рамках разработки коммуникативно-активизирующих технологий разрешения социально-экологических конфликтов, в которые вовлечены местная власть, бизнес и население (Келасьев 2002). Все теоретически возможные уровни взаимодействия власти с населением представлены на схеме 1.

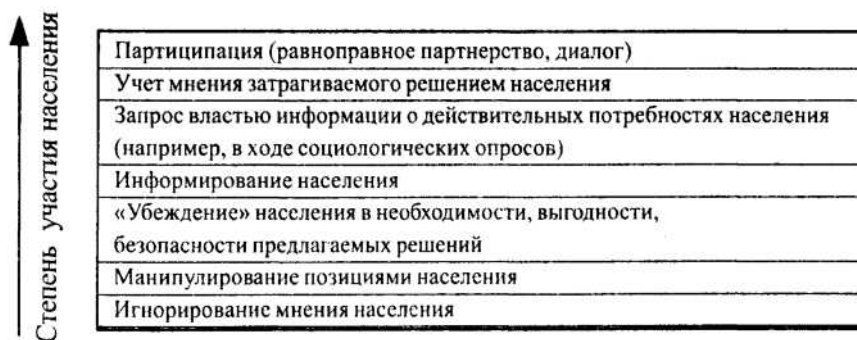

Схема 1. Уровни взаимодействия власти с населением

Схема иллюстрирует диапазон возможных уровней и стратегий взаимодействия власти с населением в процессе принятия политических и социально значимых решений; степень участия населения возрастает снизу вверх.

Нижние уровни схемы (игнорирование, манипулирование) представляют ситуации, в которых участие населения в решении проблемы фактически отсутствует. «Убеждение» подразумевает, что властные структуры, принимающие окончательное решение, «подготавливают» его, убеждая людей в безопасности или выгоды предлагаемого проекта, не предоставляя при этом о нем фактической информации.

Информирование отражает более высокий уровень взаимодействия власти с населением, так как предполагает для населения возможность получать объективную информацию о готовящемся решении и излагать свое мнение о нем. Однако ни информирование населения, ни запрос властью информации о потребностях людей, рассматриваемые по отдельности, также не дотягивают до уровня диалога и представляют собой однонаправленные информационные воздействия. К тому же, люди, информирующие о своих потребностях властные структуры, не всегда могут быть уверены, что их мнение будет учтено при принятии решения.

На уровне *учета мнения граждан* за ними уже признается право предлагать рекомендации, которые могут учитываться при принятии решений. Однако на этом уровне не сформированы институционально закрепленные механизмы, обеспечивающие людям реальную возможность влиять на выработку решений, затрагивающих их жизненные потребности.

И только на уровне *партиципации* предусматриваются механизмы, позволяющие людям вести равноправные переговоры с властью, добиваясь компромисса и учета их интересов при совместной выработке решения.

Следует подчеркнуть, что большинство острых социально-политических конфликтов возникает тогда, когда власть предпочитает работать с гражданами на уровне манипулирования, убеждения, либо не взаимодействует с ними вообще (игнорирование). В такой ситуации граждане рассматриваются не столько как *действующие субъекты*, сколько в качестве коллективного *объекта воздействия*. Протестные настроения возникают в том числе как реакция на «работу» с населением на «низовых» уровнях (см. схему 1).

С учетом важности «корректирующе-интерактивного» аспекта политической коммуникации соответствующих субъектов мы будем рассматривать ее специфику в конкретных условиях проявления напряженности по линии «власть - население».

При характеристике политической коммуникации как своеобразного обмена позитивными и негативными «импульсами» между властными и гражданскими субъектами в нашем контексте особенно важно обозначить вопрос о *формах реагирования* населения на стратегии власти.

С нашей точки зрения, они определяются двумя переменными: во-первых, степенью адекватности осознания населением проблемной ситуации, возникающей в связи с угрозой жизненным интересам, и, во-вторых, степенью активности населения по ее изменению (Келасьев). С позиции сочетания этих двух переменных теоретически возможные формы реагирования населения на понимаемые как ущемляющие потребности политические решения могут быть представлены в виде следующей схемы:

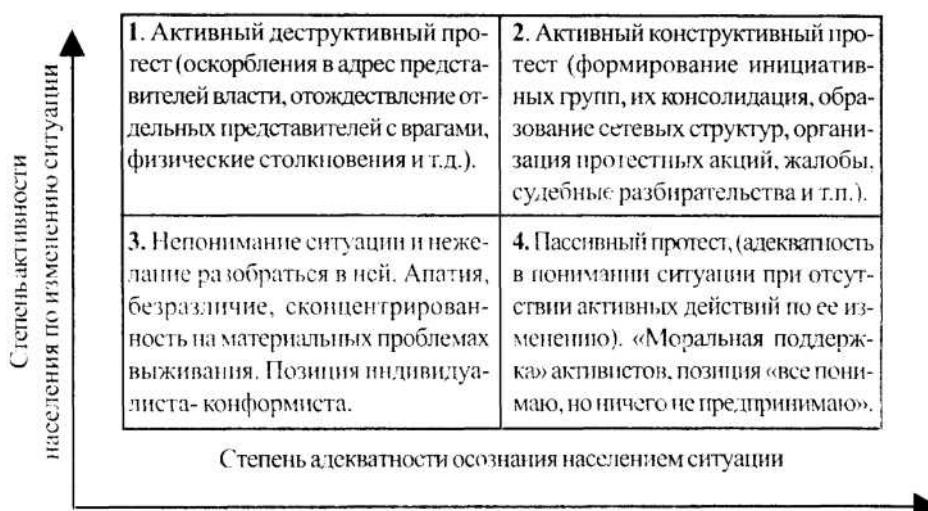

Схема 2. Общие формы реагирования населения на политические решения, ущемляющие потребности людей.

I. Ситуация, формируемая сочетанием низкой степени адекватности осознания и низкой активностью населения (квадрант 3), порождает наиболее тяжелые формы апатии, безразличия людей. Политическая апатия, как уже говорилось, стала умонастроением многих россиян. Наиболее отчетливо она проявляется в выборах на всех уровнях. Аполитичность, как показывает практика — настоящее кредо типичного современного гражданина РФ. Зачем ходить на выборы, если власти не оправдывают его ожиданий, зачем протестовать, если его все равно не услышат, не отреагируют на его призыв, зачем участвовать в собраниях по решению вопросов общего или местного значения, если проще и спокойней заниматься собой и своим собственным материальным благополучием. Опасность позиции гражданина индивидуалиста/конформиста для государства, определяющего себя как демократическое и социальное, очевидна. Отсутствие действенной обратной связи между населением и властью ставит под угрозу демократическую сущность современного политического процесса в России. Коммуникация власти с данной группой населения сводится к одностороннему воздействию власти на эту группу без получения обратной связи от нее. Это могут быть стратегии и убеждения граждан, и манипулирования, и информирования, и попытка учета их мнения (которое они публично не артикулируют), однако ни одна из этих стратегий не ведет к повышению активности этой группы. Резко повысить степень их активности может только непосредственное и очевидное ущемление их материальных потребностей. В этом случае они могут перейти в группу, обозначенную в квадранте 1 или 2. Впрочем, очевидное ущемление материальных потребностей способно и группу, обозначенную в квадранте 4, перевести в группы, обозначенные в квадрантах 2 или 1, а также еще более повысить уровень активности представителей групп 1 и 2.

II. Низкая степень адекватности осознания при высокой активности по изменению ситуации порождает деструктивные и иррациональные формы протеста (квадрант 1). Данная форма реагирования населения на принимаемые властью решения также достаточно распространена. Оскорбления отдельных представителей власти, партий — отнюдь не редкое явление в протестных акциях. Нетерпимость к лицам некоренной национальности, погромы, вплоть до убийств, также являются отражением высокой активности при непонимании того, что эти деструктивные действия не приведут к улучшению ситуации. Доминирование эмоций над разумом особенно четко проявляются в протестных молодежных движениях. Распространенность деструктивных форм протеста — прямая угроза стабильности сложившегося порядка в российском обществе. Вместе с тем, такой протест является также своеобразной — «стихийной» — формой обратной связи, реакцией людей на ситуацию. Эта реакция во многом определяется недостаточной адекватностью осознания ими ситуации. Чтобы уменьшить удельный вес этих форм протеста в обществе, власти надо по-настоящему озаботиться социальным просвещением граждан. Только при условии повышения уровня их социальной рефлексии, данная группа (квадрант 1) может перейти к активному конструктивному протесту (квадрант 2).

III. Высокая степень осознания при низкой активности порождает ситуацию, когда «люди все понимают, но ничего не предпринимают» (квадрант 4). Такой пассивный протест также распространен в нашем обществе. Причины его в том, что многие люди, входящие даже порой в достаточно образованные и статусные группы, глубоко убеждены в том, что от них мало что зависит. Надо признать, что такая позиция имеет немало оснований. Для перевода этой группы (квадрант 4) в группу 2 от власти требуется работа с такими людьми на уровне партиципации, наглядно показывающая им, что от их активности во многом зависит окончательный характер принимаемых властью решений.

IV. Высокая степень адекватности осознания при высокой активности порождает уже конструктивные формы отстаивания и продвижения представителями различных групп населения коллективных интересов (квадрант 2). Сама идея партиципации, достижения высоких уровней взаимодействия власти с населением предполагает именно сочетание высокой степени адекватности осознания населением проблемной ситуации и высокой активности по ее изменению. В рамках указанной схемы *принцип партиципации «работает» в квадранте 2*. Конечно, активный конструктивный протест требует высокой социальной ответственности, гражданской и правовой культуры, нравственной зрелости людей, располагающих опытом свободы выбора, свободного партнерства, не боящихся отвечать за последствия своих действий. Пока немногие социальные группы характеризуются в большинстве своем такими качествами, поэтому именно данный тип протеста наименее распространен в современном российском обществе. К тому же и сами властные структуры, помимо незаинтересованности в деструктивных протестах, часто не заинтересованы и в конструктивных его формах. Это отчасти вытекает из нежелания принять конт-

роль со стороны населения. Власть пока не научилась работать в ситуации конфликта, переводить его энергию в позитивное русло. Следует учитывать и то, что для чиновника (особенно среднего и низового уровня) работа с населением является весьма хлопотным, неудобным и зачастую малооплачиваемым делом. В расчет надо принимать и неготовность самого населения, не видящего реальных возможностей для своего полноценного участия в принятии решений.

Конечно, на схеме 2 отражены только основные, обобщенные формы реагирования населения на ущемляющие их потребности управленческие решения. В реальных действиях населения мы можем встретить различные сочетания представленных на схеме 2 форм реагирования.

Конечно, обе вышеприведенные схемы отражают идеализированное представление о возможных уровнях взаимодействия власти и населения. На практике возникает ряд помех и препятствий в достижении высоких уровней взаимодействия власти и населения (уровня партиципации), а также в достижении адекватного осознания населением проблемной ситуации и выраженной активности по ее изменению.

Описанные выше теоретические схемы послужили основой исследования (методом простого включенного наблюдения и фотофиксации) двух массовых политических акций — митингов, прошедших 12 февраля 2005 г. в Санкт-Петербурге и связанных с принятием 122-го Федерального закона (о «монетизации льгот»), вызвавшего необычайный резонанс в российском обществе, особенно в наиболее незащищенных его слоях. Один митинг был «против» отмены льгот, другой «за». Наш интерес к этим двум событиям не случаен: оба мероприятия проводились в одно и то же время, но в разных местах города. Митинг «против» проходил на площади у Финляндского вокзала, а митинг «за» — напротив ТЮЗа.

В рассматриваемой ситуации двух «параллельных» акций сразу угадывается применение политико-управленческой технологии, заключающейся в попытке «девальвировать» реализацию потенциала массового протеста за счет проведения «альтернативного» (или «конструктивного») митинга. Таким образом, сложилась ситуация одновременного, хотя и заочного, масштабного политического дискурса* двух общественных программ («повесток дня»), принципиально различающихся по критерию лояльности к предмету спора — социальным реформам, заявленным правительством и партией власти. Наряду с «идеологическим» существует и, так сказать, «организационный» аспект каждой из данных коллективных коммуникаций: понятие «митинговый дискурс» обозначает «разновидность политического дискурса, в котором на содержание и оформление текстов (в частности, лозунгов — *прим. авторов*) оказывает воздействие политическая коммуникативная ситуация «митинг», участники митингов вольно или невольно ведут себя именно так, как это принято в соответствующей ситуации» (Чудинов 2003).

* О понятии политического дискурса см. напр.: (Дука 1998; Демьянков; Гаврилова; Кузнецова; Шейгал 2000).

Содержание лозунгов, использовавшихся при проведении обоих митингов, может послужить иллюстрацией характера видения активистами (и организаторами) митингов проблемной ситуации (в данном случае, социально-экономического положения населения в свете монетизации социальных льгот) и, соответственно, уровня «обратной связи» с властью.

При этом следует учесть, что в условиях «постсоветской» России специфика оппозиционного дискурса — в отличие от «официального» — заключается в достаточной свободе выбора «орудий митинговой коммуникации», особенно, если речь идет о заведомо «неконвенциональных», резко протестных акциях. Здесь в распоряжении оппозиции — все богатство языка как продукта национальной культурной традиции, весь арсенал «разящих» лексических средств, которые составляют основную часть «языка политики» — системы коммуникативных средств кодирования политической информации, провоцирования политических действий и управления ими (см. «Язык политики»).

Лозунги выступают не только средством выражения позиции их авторов. В процессе генерирования и распространения лозунгов, в первую очередь, в ситуациях массовой политической коммуникации, формируется актуальный набор идей, знаковых (и даже жизненно важных) с точки зрения представителей той или иной «платформы». Вспомним для примера столь распространенную в советское время практику публикации в центральных газетах перечня «типовых» лозунгов для предстоящих праздничных либо протестных мероприятий. В современном же оппозиционном дискурсе примером «политической кристаллизации» актуального и уже подлинно *народного* чаяния (инициированного «снизу» и разделяемого в той или иной степени большинством граждан) является идея национализации и природной ренты, «продельавшая путь» из малотиражных листовок и самодельных транспарантов «радикальной оппозиции» до программных документов политических партий и законодательных инициатив.

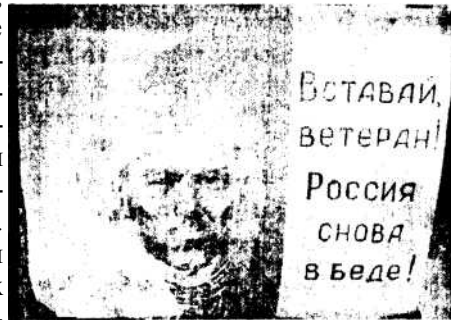
Забегая вперед, скажем: *анализ* призывов и требований указанных митингов показывает, что на современном «рынке» политических идей конкурируют две противопоставленные «повестки дня» — *реальная* и *номинальная*, если определять их в контексте реагирования власти на волну массовых протестных выступлений как на проблемную ситуацию, вполне вероятную снова и требующую не просто «снятия», но действительного разрешения*.

Перейдем теперь к описанию специфики и сопоставлению проводившихся митингов.

* Как подчеркивают аналитики, в ходе опросов Фонда «Общественное мнение» в октябре и ноябре 2005 г., посвященных отношению населения к началу реализации с 2006 г. нового этапа реформы жилищно-коммунальной сферы (в частности, переходу на 100-процентную оплату услуг), 37-39 % респондентов заявили о возможности своего личного участия в акциях протеста против таких нововведений. Для сравнения: по опросу в начале февраля 2005 г. возможность своего участия в акциях против монетизации льгот допускало 24 %. (См.: Мацкевич, Силаев 2005). Какой масштаб имели эти акции, мы прекрасно помним.

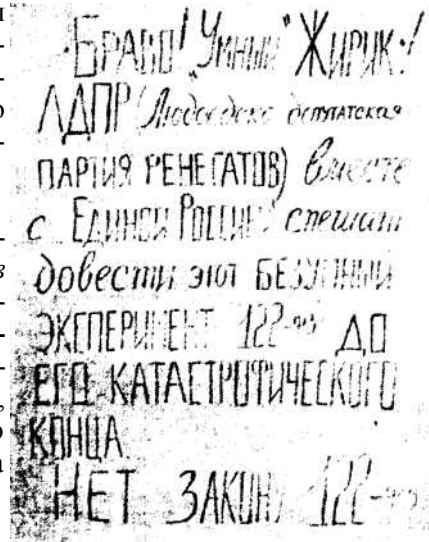
Митинг против социальных реформ, связанных с монетизацией льгот

Этот митинг можно охарактеризовать не просто как протестами, но и как сочетающий в себе элементы как конструктивного, так и деструктивного протеста. Он проходил живо и «агрессивно». В числе основных организаторов: «Яблоко», КПРФ, НБП, «Гражданский союз», «Движение гражданских инициатив» и др. «Рядовые» участники — представители социально незащищенных групп населения, ожидающие явного ущемления своих интересов в ходе запланированной реформы по монетизации льгот. При общем, «фоновом» визуальном сопоставлении двух акций заметно их различие *даже «на цветовом уровне»*: в целом единообразная (триколорно-«единороссовская») стилистика оформления одного мероприятия и красно-пестрая «расцветка» другого, с очевидностью оппозиционного. Представление о его массовости и специфике дают приводимые ниже фотоматериалы.

Адресаты обращений и требований протестного митинга. Ими выступают: Президент, правительство, Госдума, «Единая Россия», депутаты ЗАКСа, губернатор города. Они же, судя по текстам лозунгов, и главные фигуранты, избранные на роль «врага» — неотъемлемого и, зачастую, центрального элемента в языке негативной политической пропаганды.

Как показывает опыт, «народным массам» свойственно объединяться *против* какого-либо противника. И в данном случае неудачу социальных реформ **протестанты** связывают с «неудачами» конкретных личностей, упомянутых в лозунгах, тем самым определяя для себя реального («материального») врага, задача «борьбы» с которым выглядит, беспор-

но, проще, чем с «системой» в целом. А поскольку для успеха этой борьбы «враг» должен быть явным, а не «метафизическим», то все проблемы сводятся либо к демократам вообще, либо к конкретным личностям — Грефу, Кудрину, Жириновскому, Матвиенко и т.д. При этом качества, позволяющие с очевидностью отнести того или иного фигуранта к «стану врага», «люди автоматически домысливают, добавляя в своем восприятии в отношении объекта те характеристики, которые им навязываются» (Бушев). Против общего и идентифицированного врага легче сплотиться. Все невзгоды, испытываемые людьми, держащими в руках подобного рода плакаты (начиная с болезни сына и не выплаченной вовремя пенсии и заканчивая доступностью образования), *персонифицируются* и обретают «реальное воплощение». «Массовая коммуникативная среда склонна к персонификации социальных институтов и мифологизации личностей» (Кашкин).

Как и ожидалось, митинг «против» отличался импульсивностью. Пенсионеры, как основной ущемляемый контингент, в который раз оказались «на передовой» политической борьбы, активно проявляя недовольство, вплоть до антиправительственных инвектив.

Тексты на плакатах и транспарантах, как правило, отличались эмоциональностью, что и понятно, поскольку протестные лозунги — это своеобразный запечатленный «крик» манифестантов о жизненно важных для них (в данном случае — для большей части населения) проблемах, к тому же «пытаясь привлечь внимание людей на свою сторону, не всегда прибегают к логически связным аргументам» (Демьянков). Впрочем, как можно увидеть из приводимых далее фотоматериалов, это относится, скорее, к призывным и «констатирующим» лозунгам — в отличие от звучащих вполне обоснованно *лозунгов-требований* (см. далее «приемы, применяемые в языке лозунгов»). Как и большинство политических протестных акций, данный митинг характеризовался сочетанием конструктивного (гражданско-оппозиционного) и деструктивного (радикального, маргинального) начал (что выразилось и в специфике лозунгов) *.

Представим теперь некоторые фотодокументы альтернативного митинга и охарактеризуем его специфику.

* Остается открытым вопрос, какая из двух составляющих в большей степени определила достигнутый результат: правительству пришлось реагировать на волну акций протеста, которые отличались массовостью и распространенностью во многих регионах России, который, кроме эмоционального накала, отличался также массовостью и повсеместностью (наряду с традиционно политически активными Москвой и Санкт-Петербургом многочисленные митинги прошли во многих регионах России).

Митинг в поддержку принятия 122-го закона

Сравнивая данное мероприятие с вышеописанным протестным митингом, можно заметить разницу в оценках сложившейся — «проблемной» — ситуации. И дело здесь не только в различии содержания лозунгов, но и в *различии атмосферы*, характеризовавшей ситуацию «митингового дискурса».

Если оппозиционный митинг получился искренним, хотя и «с надрывом», то относительно сторонников монетизации сложилось впечатление, что они представляли собой, скорее, собранную искусственно, «по случаю» группу людей без особой внутренней мотивации, не слишком сильно заинтересованных в данном мероприятии. Состав сторонников — а это были в основном студенты, курсанты, работники муниципальных и коммунальных служб, образовательных учреждений — сам по себе наводит на мысль о некоторой «администрированности» мероприятия. Лозунги на плакатах сторонников не отличались оригинальностью, буквы выведены аккуратно, казалось, плакаты (многие из которых дублировались) подготовлены задолго до акции. После митинга многие из участников организованно свернули свои транспаранты, погрузились в ожидавшие их автобусы и уехали... Такое мероприятие наводит на мысль о так называемой «фасадной демократии» (см. классификационную характеристику мобилизационного типа политического участия в начале статьи).

Говоря о языке лозунгов данного митинга, нужно отметить, что сам текст лозунгов предельно прост, но если рассматривать данный текст «с точки зрения наличия такой составляющей значения, как воздействие и убеждение» (Третьякова), то текст производит должное воздействие. Написан он односложными предложениями. Часто из всего предложения сохранена только основа, т.е. подлежащие и сказуемое. По форме подачи все представленные лозунги можно классифицировать как прозу

Любопытна идентификация субъектов и адресатов лозунгов (а также классификация последних по форме и содержанию) студентами:

1) В.В. Путин: такие лозунги, как «Путин, мы с тобой!» употребляется 3 раза, «Путину — верим!» — 3 раза (прямые обращения), «Вместе с президентом за реформы!» — 1 раз;

2) Партия «Единая Россия»: «Единство власти — единство страны»;

употребляется 2 раза (завуалированное обращение); «Единая Россия» — это, скорее, не лозунг, а маркировка принадлежности к данной группе;

3) Коммунисты: лозунг «Коммунисты, хватить душить старушек!» — обращение напрямую, но не к конкретному лицу, а вообще к членам партии;

4) Фашисты: «Фашизм не пройдет!»; употребляется 2 раза (завуалированное обращение).

Надо отметить, что среди данных лозунгов только лозунг, направленный на коммунистов, является призывным по своей лексической составляющей. Два лозунга — тезисы, это «Единство власти — единство страны» и «Фашизм не пройдет!». Остальные лозунги представляют собой констатацию факта («Путину верим!», «Путин, мы с тобой!»).

Что касается политических и экономических мотивов в лозунгах, то можно сказать, что эти две тематики настолько часто переплетаются в обыденной жизни, что нет ничего удивительного в том, что только один лозунг «Фашизм не пройдет!» можно считать чисто политическим.

Адресная направленность лозунгов митинга за социальные реформы показывает, что их фигуранты определены в полном соответствии с «требованием политического момента» — исходя из приоритетных задач организаторов митинга. И главное действующее лицо здесь — Президент РФ В.В. Путин, по мысли митингующих, безусловный харизматический лидер, олицетворяющий для них всю мощь политической власти: «Вместе с Президентом — за реформы!», за «сильную и единую Россию». В то же время, коммунисты и абстрактные фашисты представлены как некие демоны, пытающиеся внести деморализацию в общество и вместе воплощающие актуальные (с точки зрения авторов лозунгов и, соответственно, организаторов митинга) угрозы, против которых и консолидируются люди в защиту «единой и сильной России».

Язык лозунгов обоих митингов

Языковые приемы, применяемые в лозунгах, весьма разнообразны и простираются от оскорблений и навешивания ярлыков до политической метафоры. Проиллюстрируем эти приемы, основываясь на классификации техник информационно-психологического воздействия в процессе политической коммуникации, предложенной Г. Грачевым и И. Мельником (Грачев, Мельник).

«Приклеивание или навешивание ярлыков» (name calling).

Данный прием заключается в «выборе оскорбительных эпитетов, метафор, названий, имен, так называемых "ярлыков", для обозначения, именованного человека, организации, идеи, любого социального явления. Эти «ярлыки» вызывают эмоционально негативное отношение окружающих, ассоциируются у них с низкими (бесчестными и социально неодобряемыми) поступками (поведением) и, таким образом, используются для того, чтобы опорочить личность, высказываемые идеи и предложения, организацию, социальную группу или предмет обсуждения в глазах аудитории» (Там же).

Средствами акцентирования оценочных смыслов нередко становится трансформация слов («коммуняки», «демокрады»), снабжение слова «просящим» эпитетом («так называемые демократы», «буржуазная демократия»), использование слов с более общим негативным значением («тоталитаризм», обобщающий «социализм» и «фашизм») и использование синонимов (например, разграничение не «коммунизма» и «капитализма», а «рыночной» и «нерыночной» экономики или «свободной» и «тоталитарной») (Чудинов 2003).

«Сияющие обобщения» или «блистательная неопределенность» (glittering generality).

Этот прием заключается в замене названия, обозначения определенного социального явления, идеи, организации, социальной группы или конкретного человека более общим родовым наименованием, которое имеет положительную эмоциональную окраску и вызывает доброжелательное отношение окружающих. Он основан на эксплу-

тации положительных чувств и эмоций людей к определенным понятиям и словам, таким, например, как «свобода», «демократия», «патриотизм», «мир», «счастье», «успех», «победа», «здоровье» и т.п. (Грачев, Мельник).

«Перенос» или «трансфер» (*transfer*)

Суть данного приема состоит в «искусном, ненавязчивом и незаметном для большинства людей распространении авторитета и престижа того, что ими ценится и уважается на то, что ей преподносит источник коммуникации.

Использованием «трансфера» инициируются ассоциации, формируются ассоциативные связи преподносимого объекта с кем-либо или чем-либо, имеющим ценность и значимость у окружающих» (Там же).

Этот же лозунг, вызывающий вполне определенную ассоциацию, содержит в себе и еще одно, ниже обозначенное языковое средство воздействия.

«Повторение лозунгов» или «повторение шаблонных фраз».

«Условием эффективности использования этой техники является, прежде всего, «соответствующий лозунг», то есть относительно краткое высказывание, сформулированное таким образом, чтобы привлекать внимание и воздействовать на воображение и чувства читателя или слушателя» (Там же).

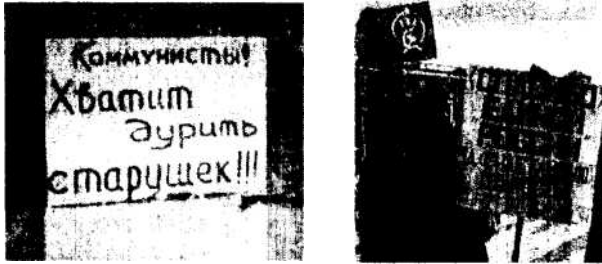
«Ссылка на авторитеты», «свидетельства» или «свидетельствование» (*testimonial*).

Содержание этого приема заключается в приведении высказываний личностей, обладающих высоким авторитетом или же наоборот, таких, которые вызывают отрицательную реакцию у категории людей, на которых направляется информационное воздействие. Используемые высказывания, «обычно содержат оценочные суждения в отношении людей, идей, событий, программ, организаций и выражают их осуждение или одобрение» (Там же).

«Метод отрицательных групп отнесения» (*демаркация*).

«Техника пользования этим методом независимо от содержания взглядов и идей, одинакова. В каждом случае утверждается, что данная совокупность взглядов является единственно правильной. Все те, кто разделяют

эти взгляды, обладают какими-то ценными качествами и в определенном плане лучше тех, кто разделяет другие (часто противоположные или принципиально отличные от пропагандируемых)» (Там же).

«Общий вагон», «общая платформа» (band wagon) (солидаризация).

Посредством «общей платформы» у человека вызывается чувство уверенности в том, что большинство членов группы, определенной социальной общности, с которой он себя идентифицирует или мнение которой значимо для него, принимают конкретные ценности, идеи, программы, разделяют предлагаемую точку зрения. «Апелляция ко "всем"... учитывает, что люди, как правило, верят в побеждающую силу и правильность мнения большинства и поэтому, естественно, хотят быть с теми, кто его составляет. Происходит не критическое принятие излагаемых в сообщении оценок, точек зрения и т.п.» (Там же).

«Осмеяние»

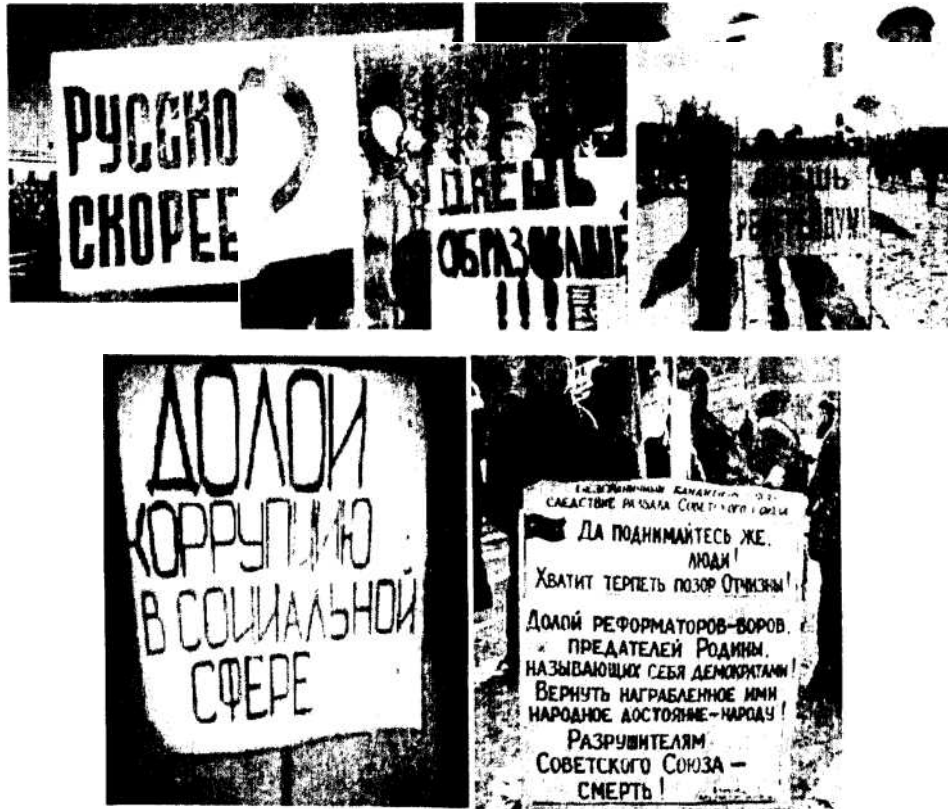
Осмеянию могут подвергаться как конкретные лица, так и взгляды, идеи, программы, организации и их деятельность, различные объединения людей, против которых идет борьба. Высокая эффективность этого средства воздействия, в частности, «связана с влиянием на сферу малоосознаваемых, неосознаваемых и подсознательных психических явлений, «косвенностью» воздействия, на которое снижена психологическая защита личности. Там, где прямая критика и негативное воздействие блокируется психологическими барьерами, на воздействие в юмористической форме защитные реакции личности резко снижаются» (Там же).

Помимо общей характеристики приемов, используемых в языке лозунгов, последние можно дифференцировать и по самой их форме подачи и содержанию.

Критика. Очевидно, что в протестных лозунгах критический мотив в той или иной форме превалирует. Критикуется работа (либо позиция) правитель-

ства, Президента, губернатора, политических партий, отдельных депутатов.

Констатация (с драматизацией). Как правило, лозунги, в содержании которых звучит констатация сложившегося (критического) положения, написаны не в стихотворной форме: о своих проблемах люди говорят в духе «прозы жизни».

Требование.

Выдвигаются экономические и политические «ультиматумы», требования достойной жизни, нормального размера пенсии, доступного образования и т. д.

Призыв.

Лозунги, призывающие к изменению ситуации, в основном написаны в критически-императивной форме.

Стихотворные лозунги

занимают особое место в ряду лексических средств политической борьбы. Их можно отнести к своеобразному народному фольклору. Эти «политические рифмы» в образной форме репрезентируют отношение участников и организаторов митинга, как выразителей мнения определенной части народа, к властной элите, к принимаемым ею решениям: «Народ! Проснись, вставай с колен!!! Ведь

губят матушку-Россию! Нам гарантируют лишь смерть и... мочют!!! Словно мы в сортире!»).

Еще один жанр, отличающийся «высоким творческим потенциалом» — это **политическая метафора**. Интересна приведенная «филологическая конструкция» своим нестандартным, емко фигуральным содержанием. Персоны непопулярных вследствие известных событий министров правительства предстают в одном триедином существе — подобно гидре о трех головах, наводящей ужас на население. Представляя собой яркий образец меткой политической метафоры, данное словосочетание имеет все шансы стать «крылатым», то есть расхожим, востребованным в среде критически настроенных социальных групп (что, собственно, и наблюдается).

Существует вполне обоснованное предположение, что «использование метафор в политике — признак кризисного мышления, мышления в сложной проблемной ситуации, разрешение которой требует значительных усилий от когнитивной системы человека по усвоению новых знаний и переработке их для построения множества вариантов и выбора альтернативы» (Гаврилова). Для поддержания стабильности социального порядка важно, чтобы выбор таких «вариантов» осуществлялся в конструктивном, социально-конвенциональном русле. Поэтому опыт, накопленный в рамках соответствующих лингвистических исследований (в частности, метод метафорического моделирования), имеет ценный прикладной потенциал в плане обеспечения процесса оперативного реагирования власти на усиление фрустрации, депривации граждан, и, соответственно, их отчуждения от государственных институтов и проводимых реформ. Так, эксперимент К. де Ландшер (De Landsheer 1998) показал, что возрастание количества метафор в политическом дискурсе — признак кризисности политической и экономической ситуации. В этой связи М.В. Гаврилова совершенно справедливо предлагает использовать данную закономерность в лингвистическом мониторинге политического дискурса, предсказывая приближение кризисных состояний общественного сознания.

Описав соотношение «средств» публичного политического дискурса, необходимо зафиксировать, установлению какого «соотношения сил» способствовало, в частности, их активное, массовое и продолжительное применение в условиях интенсификации неконвенциональных форм взаимодействия с властью.

Анализируя политические последствия массовых акций протеста по всей стране, силу их воздействия на власть, можно еще раз констатировать, что правительство *вынуждено* было пойти на уступки, подкорректировав непопулярный закон, а параллельно — развернув масштабную и трудоемкую «разъяснительную работу» по его «продавливанию». Насколько же действенной, фун-

циональной в таком контексте могла быть реализация протестного потенциала?

«К различным видам протестной политической активности граждане прибегают в том случае, если традиционное политическое участие оказывается неэффективным, или в случае необходимости привлечь внимание властей и общественности к какому-либо событию. Но при этом большую роль играет также уверенность граждан в эффективности протестных действий» (Баранов, Пикалов),

Согласно Портеру, протесты бывают успешными в следующих случаях: объект протеста ясен, объектов для протеста не очень много, методы протеста соотносятся с целью, общественность, к которой они обращены, образована и вовлечена в действие, способствующее успеху протеста, и противодействие неэффективно. Если хотя бы одно из этих требований неясно, не заявлено или непоследовательно, то протест может оказаться безуспешным (Porter, Taplin 1987:42).

В общем и целом, согласно представленной схеме «успешного протеста», можно охарактеризовать протестные выступления в начале 2005 г. как результативные, успешные — с одной, но значительной оговоркой. Власть вынуждена была услышать и внять протесту, который *действительно стал массовым* (и это уже невозможно было «не замечать»). Но, несмотря ни на что, закон *не был* отменен или хотя бы отложен, он был лишь подкорректирован (что, впрочем, в современных российских условиях уже можно считать существенным достижением оппозиции).

В этой связи выразительно звучит описание А. Зайцевым подобной «политики сдерживания» и маневрирования со стороны государственной бюрократии по отношению к возникающим социально-протестным движениям («реформаторским» и «революционным»): «Социальные движения в обществе обращены не только к власти в целом, но и конкретным ее носителям и представителям, критикуя определенные учреждения, законы... В то же время во властных структурах складывается дифференцированное отношение к требованиям, выдвигаемым соответствующими движениями. Определенная часть властного аппарата стремится проводить гибкую политику, предлагая тактику уступок: таким образом, она как бы защищает или представляет интересы оппозиции во властных структурах. Предлагая уступить в частности, она защищает более общие и перспективные интересы господствующего класса или социального слоя» (Здравомыслов 1996: 216-217). В этом ракурсе особенно двусмысленной может выглядеть роль некоторых профсоюзных лидеров, депутатов и политиков «социал-демократической ориентации» — и это вполне определенно «читается» на плакатах и транспарантах «антимонетизационных» акций.

На наш взгляд, в современной России описанный подход — «стремиться проводить гибкую политику» — выступает неким «заменителем» партиципативных, «открытых» моделей взаимодействия власти и оппозиционной части населения. Конечно, такая стратегия (или точнее, линия поведения) в определенной степени снижает эффективность социально-политического протеста (в случае его возникновения), но, несмотря на

это, массовость и публичность последнего являются залогом его успешности. И как бы ни пыталась власть нивелировать конфликт при помощи «искусственных» средств и технологий, она рискует и далее терять доверие со стороны населения, которое уже достаточно образованно, чтобы чувствовать, что его интересы учитываются властными структурами в меньшей степени, чем этого бы хотелось (и главное, могло бы быть на практике). Так что протест продолжает оставаться одной из самых действенных форм выражения гражданской позиции. Только массовость и постоянный «прессинг» со стороны общественности может заставить государство сдвинуться с мертвой точки и начать защищать интересы своих граждан более активно.

Тем не менее, политический дискурс двух различающихся митингов, представленный в нашем небольшом исследовании, наглядно демонстрирует, что власть при помощи доступных ей ресурсов пытается симитировать обратную связь с населением. Представляется, что попытка с ее стороны «селективного» оформления взаимодействия с «электоратом» в условиях массовой социально-политической напряженности не может считаться эффективной (и адекватной существующей ситуации) формой организации диалога с гражданами.

Россия в настоящее время — страна с выраженным разнообразием способов реагирования населения на принимаемые властью решения. Одни попросту не задумываются и не желают разбираться в происходящих событиях, сконцентрировавшись на материальных проблемах выживания; другие — «все понимают, но ничего не предпринимают», считая, что от них ничего не зависит; третьи только ждут от власти повода для выплеска негативных эмоций. И пока лишь немногие способны отстаивать свои интересы в конструктивной форме.

Более или менее, выработав стратегии взаимодействия (обхождения) с категориями представителей «неинтенсивных» форм политического участия, власть не может похвастаться разнообразием эффективных способов нахождения диалога с протестными движениями, применяя, главным образом, не соответствующие декларируемому формированию гражданского общества узко прагматичные, «тактические» технологии «минимизации» социальной напряженности (типа проведения «альтернативных» митингов, «вживления» своих лидеров в протестные движения, умалчивания о реальных масштабах социального недовольства, выпячивания в СМИ лишь «плюсов» принимаемых решений и т.д.). Однако власть не учитывает, что эти технологии, относясь к нижним уровням взаимодействия ее с населением (манипулирование, убеждение, одностороннее информирование) и не отвечая реалиям современной политической ситуации (в первую очередь, ожиданиям граждан), несут в себе потенциал новых конфликтов — как в публичной (массовые акции протеста и т. п.), так и в латентной (рост голосования «против всех» и т. п.) их форме. А повод всегда найдется.

Литература

Баранов Н.А., Пикапов Г.А. Теория политики // http://nicbar.narod.ru/theoria_politiki26.htm.

Бушев А.В. Семантика социально-политического дискурса: автоматизация, стереотипы и штампы // <http://humanities.edu.ru/db/msg/45806>.

Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического дискурса // <http://politanalysis.narod.ru/gavrilova3.html>

Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия // <http://www.philosophy.ru/iphras/library/manipul.html>

Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политической филологии // www.infolex.ru/PolDis.html#_Toc31990055.

Дука А.В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том I. № 1. С. 91 -113.

Заболотная Г.М., Криницкий А.Я. Политология // <http://www.kspu.ru/ffec/polit/pl4.html>.

Здравомыслов А.Г. Социология конфликта / Учебное пособие для студентов вузов. М.: АСПЕКТПРЕСС, 1996.

Кашкин В.Б. Коммуникативная мимикрия и социальная власть // <http://kachkine.narod.ru/Articles2003/CommMimicry.htm>.

Келасьев О.В. Принцип партиципации в регулировании локальных социально-экологических конфликтов // Новые подходы в социальной работе и возможности непрерывного образования. СПб, 2002. С. 130-138.

Келасьев О.В. Уровни взаимодействия субъектов конфликтов в процессе реализации градостроительных проектов // <http://www.conflictmanagement.ru/text/?text=531>.

Кузнецова А.П. Дисциплинарная специфика понятия «дискурс» в политологии // <http://humanities.edu.ru/db/msg/18833>.

Мацкевич М., Силаев Н. Январское дежавю // Эксперт. 2005. № 48. Политология / Под ред. М.А. Василика // <http://shulenina.narod.ru/Ucheb/Vasilik/Politolo/13.html>.

Современный исторический процесс и динамика восприятия демократических ценностей // Изменяющаяся Россия в зеркале социологии / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е.Тихоновой. М.: Летний сад, 2004.

Третьякова Т.П. Опыт лингвистического анализа аргументации в политическом диалоге // http://antropology.ru/ru/texts/tretyakova_tp/educomm_15.html.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. (<http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>).

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. Язык политики // <http://www.czdo.csu.ra/economic/methodic/Politolog/Glossar.htm>.

De Landsheer C. The political rhetoric of a United Europe // Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere / Ed. by O. Feldman. New York, 1998.

Porter J., Taplin R. Conflict and conflict resolution: a sociological introduction with updated bibliography and theory section. Lanham, MD: University Press of America, 1987.